

Евгений Триморук
Жадность

Рассказ

Евгений Триморук

Жадность. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35238554

ISBN 9785449310170

Аннотация

«Жадность» – самый экспериментальный рассказ, насыщенный различными аллюзиями, головоломками и сложными лексическими оборотами, чуть не сказал «наворотами». «Мне тесно в пределах известных норм русского языка», – Триморук.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Жадность

Рассказ

Евгений Триморук

© Евгений Триморук, 2018

ISBN 978-5-4493-1017-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор: Евгений Триморук

Почта: trener200686@mail.ru

***

*– Мысль изъясненная,
как говорил президент Филипп Тютчев.
Д. Даль¹, «Версия героя».*

1.

И своим наставником Жацкий его не считал.

---

¹ Дмитрий Даль – автор закрученного романа «Версия героя», персонаж произведения «Романа с героиней», который слишком увлекся изучением неизвестного сочинителя, оставившего после себя трудно интерпретируемое произведение «Запасной изгой».

Антон Алексеевич Константинов, профессор Сочинительского колледжа им. Григория Антиповича Мокрого (сокращенно ГАМ), за учиненный второй потоп в студенческом корпусе, – любил излить всю желчь и все, что даром, на всех, кто рядом, – выселен без права повиновения.

После двухтонного и двухчасового разгребания сырома-териала и серокниг из комнаты лектора, – рукописи Жалина-трактовщика, салфетки Дансовой-поэтки, тетрадные вырезки Сонины-Сорина-собутыльника, – полки достались студенту-невидимке с очень редкой и какой-то гремучей фамилией – никто ее с первого раза не произнес четко и убедительно, так что юноша (а это непременно был он, хотя никакого удостоверения он не предъявлял) даже решил, что увлечется тем курсом, лектор которого совершит невероятное, преодолев две рычащие буквы.

По внешности R.R. (пока инициализируем – какое неудобное слово – его так), словно героя «Мастер в зазеркалье», путали с Ближней Азией, с Татарстаном. Трижды его назвали армянином, дважды азербайджанцем и даже киргизом, хотя он, как заверял неоднократно, обещая показать метрику, не принадлежал ни к одной из вышеперечисленных наций.

– Может, ты турецкий поданный, как Остап, – закашлялась от острого травяного чая, – Борхес? – шутила гостья.

– Турок, что ли?

– Кто его знает, – многозначительно отвечал хозяин комнаты, выбивая заварку из пробки с фольгой.

По мимике однокурсники предпочитали сравнивать со Стивом Николсоном и Джимом Мартином.

Но в биографии незадачливый юноша старался соответствовать иным хитросплетениям:

– По национальным повадкам я, безусловно, серб. По гражданству, по грусти и печали, по близкому ощущению смерти, русский. По месту рождения – граница двух стран Молдавии и Украины. (Как выразился мой соотечественник и земляк: «из той страны, которой нет на карте»).

По удаленному ударению, как заметил Константинов, фамилия подозрительно щурится на провинцию Коньяк. Хотя сам носитель утверждал, совершив по каким-то странным лингвистическим принципам многозначительный перевод, что корень ведет в Тунис. Кто-то, даже не особо мудрствуя, в честь его фамилии создал фарсовый культ. А Татьяна Тельшева – подруга и по совместительству работодатель – восторгалась тем, какие он, не фиксируя за собой подобное явление, придумывал скороговорки и пословицы очень неопределенного замечания, в которых как обычное знамение мог затесаться подчинительный союз «потому что».

Жацкий, тот самый хозяин комнаты, поглаживая гладкий подбородок, настойчиво рекомендовал называться немцем за чрезмерную тягу к порядочности, но – втайне – за то, что уж очень завидовал, насколько его сосед, как скрупулезный медицинский работник, расставляет любимые, ненавистные и забываемые предметы на определенное место, –

как-то уместно употребить «устойчиво», и они словно всегда там и должны находиться, вкопанные и вжженные вулканической лавой, – так что даже ночью их с легкостью можно обнаружить.

С анекдотами, которые про себя сочинял скабресный сосед, явный перебор. Именно ему и достались, когда он, словно бы невзначай каламбурил Жацкому, Константиновские полки, намекая на аллею рассказов «Ахиллесовы груши» и «Бунинские дни».

В колледже, который проще называть школьным пансионатом, Антон Алексеевич Константинов, по прозвищу Кант, сокращенно от Кантемир по фамилии прабабки, молдавской княгини, покинувшей империю в трагические годы, как она считала, после смерти Александра Миротворца, славился. В основном, со Светланами, Славнами и Славенами.

Как первые три жены, которые, будучи моложе на семь, четырнадцать и двадцать один, безусловно, решительный год, благоразумно и нескромно лишили инженер-механика Алексея Кранта (ранее называемый более ласкательно) юных умов (и умниц), и позже одно-, двух- и, соответственно, трехкомнатной квартир в пределах трех колец престолонаследного града МММ, так и по совместительству с полками достались нашему герою-соседу R.R. и две продуктовые корзины книг, полные плесени и пепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.